

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 130 (3786)

Вторник, 29 октября 1957 г.

Цена 40 коп.

СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ

Наше знание,

Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. Эти широко известные ленинские слова снова и снова приходят на память сегодня, в канун сорокалетия Великого Октября, когда наша мысль обращается к славному и победному пути, пройденному советским народом.

На примере лучших произведений нашей литературы и искусства можно убедиться в том, как четкие и ясные идейные позиции автора, правильное понимание политики Коммунистической партии придают ему подлинную творческую смелость в художественном изображении самых острых и самых сложных проблем действительности, позволяют увидеть в жизни напряженную борьбу нового со старым, помочь распознать и горячо, со всей страстью поддержать новое. И наоборот. Отсутствие у худож-

сила

и оружие

ника правильных идейных позиций и необходимого политического опыта приводит в конечном счете к серьезным ошибкам, к горьким и трагическим неудачам и срывам. Именно так и случилось в недавнем прошлом с некоторыми нашими литераторами, обнаружившими свое неумение видеть главное, определяющее в жизни советского общества, вставшими на ложный путь одностороннего, искажающего жизненную правду показа нашей действительности.

Эти писатели забыли о том, что высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма, что главная линия развития советской литературы и искусства состоит в неразрывной связи с жизнью народа, в правильном отображении его великой преобразующей деятельности, благородства его стремлений и целей, его высоких моральных качеств.

КОГДА сорок лет назад весь мир был потрясен известием о победе социалистической революции в России, политические деятели буржуазного Запада, лидеры реформистских партий, идеологи «его величества Капитала» дружным хором объявили нашу претерпевшую революцию «русским экспериментом», представляющим собой «вызов здравому рассудку» и потому обреченным на провал. Где, мол, это видно, чтобы рабочие и крестьяне массы, да еще в такой отсталой стране, как Россия, могли стоять у руля государства и строить социализм!

Сейчас, когда могучая Советская держава в расцвете сил отмечает свое сорокалетие, когда не только теоретически, но и самой жизнью неопровержимо доказано, что социалистическая революция — это не просто «русский эксперимент», когда по пути социализма уверенно идет шестисотмиллионный китайский народ, идут трудящиеся всех стран, где у власти стоит рабочий класс, — никто, конечно, уже не осмелевает вытаскивать на свет божий старую, давно испустившую дух реакционную легенду о неспособности народных масс управлять государством.

Но идеологи и политики империализма, весь его пропагандистский аппарат, реакционные журналисты и писатели отнюдь не прекращают, а, наоборот, усиливают свои атаки на марксизм-ленинизм, на социализм, как учение и общественно-экономическую систему. В мире идет ожесточенная борьба двух идеологий — социалистической и буржуазной. Мы ведем и будем вести непримиримую борьбу за чистоту марксистско-ленинских идей, во имя утверждения нашей коммунистической идеологии, против любых проявлений ревизионизма, любых попыток потратить в нашу литературу и искусство чуждые духу советских людей буржуазные взгляды.

В этой борьбе не может быть нейтральных. Наше идейное оружие должно быть всегда в исправности, всегда отточено; оно должно действовать безотказно.

ОКТАБРСЬКАЯ революция явилась триумфом великих идей марксизма-ленинизма. За минувшие десятилетия эти идеи завоевали сердца многих сотен миллионов людей на всех континентах земного шара. С каждым годом крепнет вера трудящихся в победу коммунизма.

НЕДАВНО в Ленинграде был открыт памятник одному из замечательнейших русских людей, которого Ленин назвал народным героем. Ивану Васильевичу Бабухину. Гордость партии считал Бабухина Ленин, и действительно, все его тридцатилетняя жизнь была подвигом во славу русского рабочего класса. Из глухой деревни русского Севера, из края лаченных полей и хвойных лесов мальчишкой приехал Бабухин в Петербург и здесь за короткое время вырос в замечательного революционера. В двадцать лет он впервые встречается с Лениным и вскоре становится его любимым учеником. Лучшим представителем героического пионерского рабочего класса считал Ленин Бабухина и, когда Ивану Васильевичу не было еще тридцати лет, предложил ему написать воспоминания.

Эту книгу сегодня перечитываешь с глубочайшим волнением. И вчитываясь в ее скупые строки, глубже начинаешь понимать, как величествен повзгл людей, которые задолго до первой революции начали под руководством Ленина создавать рабочую революционную марксистскую партию.

Русский рабочий класс был той замечательной силой, в которой возникла и развивалась партия нового типа. В кругу питерских рабочих нашел Ленин людей чистейшего чекана, воплощающих в себе лучшие качества родного народа, таких, как Бабухин, Шелгунов и многие другие его ученики по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

Питерский рабочий класс — это молодость Ленина, самая его горячая пора, когда в кругу борющихся пролетариев он замышлял план строительства нового мира. Ленин знал высокие моральные качества русских рабочих, горячо любил их. Но казальный раз, когда наступала проверка нашей силы, оказывалось, что нас не страшат никакие испытания, и презренные шавки буржуазной печати трусливо поджидали свои восты.

ВЕЛИКИЙ французский писатель Флобер во второй половине прошлого века написал «Лексикон прописных истин», в котором выискивается пошлость буржуазного взгляда на действительность. Живи Флобер в наши дни, он нашел бы огромный материал для подобного же лексикона на страницах американской и европейской прессы. Ложь о Советском Союзе — ходкий товар на рынках буржуазной печати, и немало проникливых делцов разбогатело на фабрикации этой лжи.

Но уже ушли в прошлое времена, когда можно было безнаказанно лгать о Советском Союзе. Лгали, что авиация наша слаба, а могучие самолеты «ТУ-104А» пересекли Атлантику и опустились на американском континенте, наглядно опровергая ложь буржуазной печати. Лгали о нашей военной слабости, а сообщение о межконтинентальной баллистической ракете заставило призадуматься многих делцов в буржуазных странах. Уверали все, что сообщение о неслыханном могучих ракетах — только пропаганда, а советский спутник Земли начал свой пробег вокруг земного шара. Много, очень много взорос устремлено теперь в ночное небо, чтобы удостовериться в завоеваниях советской науки. И только ли науки? Ведь создание спутника, как сами американцы знают по своему опыту, — дело весьма трудное. Одним ученым с ним не справиться. Немало пришлось поработать над спутником инженерам, техникам. И, конечно же, это великое свершение современности было бы невозможно без труда советских рабочих.

Стремительное развитие советского общества с самого начала нашего государства всегда изумляло наблюдателей. Даже в самые трудные моменты революции Ленин трезво говорил народу: «Пережитая нечеловеческая борьба в одну неделю 1918 года подняла русскую революцию на неизмеримо более высокую ступень всемирно-исторического развития. История шагнула вперед, за эти дни, на несколько ступенек вверх сразу». Если так говорить о периоде, когда наша страна с величайшим напряжением, голодная и разоренная, отражала удары превосходящих сил врага, то как же быстро шло развитие нашего общества в мирные годы... Ведь только за короткий срок, прошедший со дня XX съезда партии, неизмеримо выросла мощь Советского Союза.

Виссарион САЯНОВ

СО ВЕТСКИЙ рабочий класс — всеобщая основа, передовая сила нашего общества. Но как неужели когда на наш дореволюционный рабочий класс, как выросло поколение сыновей по сравнению с поколением отцов и дедов! Только революционные традиции советских рабочих остались нерушимыми, только та же у советского рабочего класса ленинская закалка.

Советский рабочий живет богатой интеллектуальной жизнью, круг его умственных интересов необычайно широк. Пройдите в библиотеку крупного предприятия и поинтересуйтесь теми книгами, которые читают рабочие. Научные библиотечные формулы больше расскажут вам об умственном кругозоре читателей, чем обстоятельная статья. Художественная литература и сочинения на специальные темы, труды классиков марксизма-ленинизма и справочная литература — все это жадно поглощается рабочей массой. Необычайно вырос кругозор советского рабочего, и не мудрено. Ведь во всех странах народной демократии советские рабочие — любимые гости. Они едут в Китай и Болгарию, в Румынию и Албанию, во все полудемократические страны, чтобы полениться собственным опытом и воспользоваться опытом своих друзей. Этот постоянный, с каждым годом усиливающийся обмен идеями, идеями, изобретениями обогащает советский рабочий класс, расширяет его представительство в мире. Где, в какой капиталистической стране возможно что-либо подобное? А какое огромное влияние на высвобождение творческой энергии рядового человека для высокопроизводительного труда на благо общества дает улучшение материального положения рабочего класса!

Когда Советский Союз начал осуществлять героические подвиги, все черные силы капиталистического мира злоебще каркали, что из затен коммунистов ничего не выйдет. Теперь-то, надо думать, полади наши враги, что из этой, как вы слышали говорили они, затен вышл и трансконтинентальные баллистические ракеты, и искусственный спутник Земли, и многое, многое другое.

Рабочий-патриот, рабочий-новатор внешнего дня великой советской индустрии выказался десятилетиями упорного труда. Мы помним рабочего первого поколения советского общества, когда его оружием зачастую было перо работка и от заметки в стеной газете переходил он к пониманию производственного процесса. Помним первые производственные становя, на которых рождалось создание нового, незабываемого... Либзе... Рабфаки, на которых готовили людей в институты. Постепенно повышалась культура рабочего, на предприятиях занимались в полную силу многочисленные кружки, открывались школы фабрично-заводского обучения, курсы по повышению квалификации. На них шли тысячи и сотни тысяч людей.

В первую пятилетку возникло ударное движение, пришли в движение могучие резервы советского рабочего класса. Тогда родилась рабочая трудовая слава в нашей стране, лица ветеранов труда и молодых рабочих часто стали появляться на страницах газет. Многие еще брали тогда энтузиазмом, физической силой, энтузиазмом.

Труд становится сложней, каждая профессия требовала больших знаний. Одним энтузиазмом было невозможно добиться успеха, нужна была большая техническая выучка. Появление станковозаменителей начало нового этапа нашей индустрии, оно было для нее порой, которую можно сравнить с временем, когда молодой человек получает аттестат зрелости.

РАБОЧИЙ послевоенного периода — прежде всего новатор. Социалистическое предприятие требует от рабочего высоких знаний, и все больше ста-

новится на наших заводах и фабриках рабочих с законченным средним образованием. И того зачастую оказывается мало, — у студентов занимают места устанков не потому, что к этому вынуждают безработица, как в капиталистических странах, а из-за нужды высококвалифицированного производства. Новатор — типичная фигура нашей тяжелой индустрии. Новатор нынешнего дня — это рабочий с большим политическим и техническим кругозором, с умением самостоятельно подходить к решению важнейших проблем техники, с пониманием перспектив ее завтрашнего роста. Мы часто встречаем новатора производства на кафедрах технических вузов, где он читает лекции молодежи, на заседаниях научно-технических обществ, где он выступает с докладами. Одно из замечательнейших достижений советского общества за последнее десятилетие — это необычайное укрепление союза науки и производства, по сути дела, превращающее каждое большое предприятие в филиал научно-исследовательского института. Возможно ли такое положение в любой капиталистической стране?

Не в келейных условиях рождаются технические изобретения и научные открытия в нашей стране. Совершенство производственных процессов, изобретения новые машины, рабочий-творец становится в первые ряды новаторов. Вместе с учеными и инженерами поднимают все выше и выше технический прогресс советского общества.

Выше миллиона изобретателей и рационализаторов внесли в минувшем году свой драгоценный вклад в развитие техники на наших предприятиях. Это могучая армия людей, знающих, за что они борются, и отдающих любимому делу всю мощь своего таланта, всю силу своей души.

ПАРТИЯ десятилетиями вела рабочий класс от одной вершины к другой, поднимала его с требовательной любовью, и делами отвечает советский рабочий класс на ее материнскую заботу.

Каждый раз, когда встречается с иностранными делегатами, побывавшими на наших заводах, испытывает чувство гордости. С какой благодарностью говорят они о наших рабочих, с какой теплотой... Помню, встретился я однажды с финскими товарищами рабочими, побывавшими на ленинградских заводах. Они не говорили красивых речей о своих впечатлениях, а просто сказали, что из всего виденного ими в Советском Союзе самое большое впечатление на них произвел советский рабочий. Недавно попалась мне в «Ленинградской правде» заметка, подписанная английским именем, адресована она коллективу станкостроительного завода имени Свердлова. «Мы все находимся под сильным впечатлением от высокого уровня технического развития, достигнутого в Советском Союзе, и, без сомнения, завод имени Свердлова играет в этом большую роль», — пишет англичанин.

Как бы ни хотели наши враги обманывать народ, возвращать то, что происходит в Советском Союзе, правда шагает через границы, перелетывает через моря, облетает континенты и страны.

...В эти великие дни, когда Советская страна отмечает свое сорокалетие, память наша снова и снова обращается к той поре, когда выстрел «Авроры» возвестил начало новой эры истории человечества. Сколь историю четырех десятилетий мысленно влилим мы Петроград семидесятого года, слышим стук копыт по тортовой мостовой, видим низкое, прошитое пулями, дождливое небо северной осени и идущих навстречу штурму людей в коротких пальто, в кепках, дубовых шляпах и картузах. Это питерские рабочие идут на штурм старого мира, и гремит в веках их железный шаг, и старая революционная песня плывет над городскими просторами, и слова ее дороги всем людям на земле.

«ТУ-104» НА КАМЧАТКЕ

СРЕДИ обывателей бытует легенда о том, что летчики суверены. Лучшим опровержением этой сплетни служит наш перелет Москва — Петропавловск-Камчатский — Москва на реактивном самолете «ТУ-104», обозначенном линейным номером СССР-5413.

Последние две цифры этого номера нисколько не смущили наш экипаж. Для меня, как для руководителя этого перелета, состав экипажа, естественно, имел большое значение.

Пилот-инструктор Николай Михайлович Шапкин в свое время меня, как и многих других, выпускал в самостоятельный полет на машине «ТУ-104» после двух вывозных полетов. Бортрадист Иван Петрович Губашкин, трижды миллионер, хорошо знаком мне по Великой Отечественной войне, когда мы с ним, базирясь на Адриатическом побережье Италии, летали в гитлеровские тылы к партизанам Югославии, Албании и Греции.

Штурман корабля Алексей Сергеевич Калинин уже ведет счет четвертому миллиону налетанных километров. Он как нельзя лучше подходил для выполнения нашего ответственного рейса. В военные годы он совершил более пятисот боевых вылетов.

Бортинженер Олег Александрович Васковский в этом перелете на освоенных участках трассы обучал бортинженера В. Ф. Фатеева.

Словом, экипаж подобран неслучайно.

В 19 час. 30 мин. 24 октября мы поднялись с Внуковского аэродрома.

Из Хабаровска, где мы ночевали, вылетели в 1 час 25 мин. по московскому времени. Нам предстояло преодолеть расстояние около двух тысяч километров — последний отрезок нашего пути. Здесь трасса представляет известные трудности: бросок в тысячу километров через вечно неспокойное Охотское море, высоты, достигающие трех с половиной тысяч метров, наличие гейзеров и действующего вулкана, а также теплое морское течение Куросио, резко влияющие на атмосферные условия над Камчаткой.

На этом участке машину пилотировали я и Шапкин. Посадка прошла вполне благополучно, хотя когда подошли к Камчатке, она оказалась под слоем вышних, небывавших внезапно облаков.

Наш пробный полет — преддверие к открытию регулярных пассажирских рейсов на самом совершенном в мире транспортном реактивном самолете. Таким образом, перелет явился своеобразным подарком трудящимся Камчатки к сорокалетию Великого Октября.

На аэродроме нас тепло встречали.

Нашему экипажу, к сожалению, не удалось подробно ознакомиться с достопримечательностями скажной Камчатки, поскольку пришлось заниматься проверкой готовности службы аэропорта к приему рейсов «ТУ-104», а для этого нам понадобилось специально подниматься в воздух.

Секретарь обкома тов. П. Соловьев попросил нас доставить в Москву на юбилейную сессию депутата Верховного Совета СССР Героя Социалистического Труда Ивана Ивановича Алехина, кандидата рыболовного сейнера колхоза имени Кирова.

В обратный путь из Петропавловска-Камчатского мы вылетели 27 октября в 2 часа 20 минут по московскому времени. На длинном пути до Москвы нам предстояло управлять машиной попеременно. На первом участке пути Камчатка — Хабаровск самолет снова пилотировали мы с Шапкиным. Вершинки сопки были окутаны, как ватой, облаками, которые нам пришлось пробивать. Развернувшись над Авачинской бухтой, мы распрощались с Тихим океаном и легли на заданный курс. Вначале под нами простиралась сплошная облачность, потом она раздвинулась, и в ее разрывах мы увидели бурные волны Охотского моря, омывающего побережье Сахалина.

В Иркутске мы застали другой самолет «ТУ-104», на котором из Пенки возвратилась делегация Верховного Совета СССР, посетившая КНР Демократическую Республику Вьетнам. Глава делегации А. Б. Аристов, ранее работавший на Дальнем Востоке, чрезвычайно интересно рассказывал обстановку первого рейса «ТУ-104» на Камчатку.

От Москвы до Камчатки, с тремя посадками в пути — Омск, Иркутск и Хабаровск, перелет занял 10 часов 20 минут. Обратно летели 12 часов 25 минут, преодолевая сопротивление встречного ветра.

Расстояние, покрытое нами в оба конца, составляет 18 тысяч километров; оно примерно равно протяженности нашего недавнего рейса Москва — Нью-Йорк — Москва. Как и в том перелете, наша скорость на отдельных участках пути достигала 1.060 километров в час.

Итак, воздушная трасса Москва — Камчатка, самая длинная континентальная трасса в мире на реактивном самолете «ТУ-104», открыл П. МИХАЙЛОВ, Герой Советского Союза

Из одной биографии

СЕГОДНЯ мы публикуем несколько фотографий, иллюстрирующих большую, замечательную биографию одного из советских рабочих — Владимира Якимовича Карасева. Вот первый фотоснимок. Не покажите ли странному, что у трона бывшего императорского величества стоит рабочий Карасев? Что означает этот снимок? А вот что. В дни штурма в октябре 1917 года рабочий-юноша Владимир Карасев с карабином в руках ворвался в царские покои и, увидев позолоченный кресло, присел на него, чтобы переждать карabin. Матросы, штурмовавшие дворец, смеялись: «Ты же на царский трон сел!» и усматривая добавили: «Сиди, сиди, Володя! Теперь ты — царь».

Этот эпизод известен многим. Наш фоторепортер попросил теперь Владимира Якимовича снова повзгл в Зимнем дворце и сняться на память.

С тех пор, как Владимир Якимович Карасев с оружием в руках завоевывал Советскую власть, прошло сорок лет. Все эти годы Карасев (сейчас товарищ-наладчик Кировского завода, Герой Социалистического Труда) — в первых рядах рабочего класса.

Вот что он рассказывает сам о себе на страницах «Авроры» на многих предприятиях страны, проводя свой опыт рабочим коллективам, делал доклады о своих нововведениях, проводил инструктаж непосредственно у станка (см. фото — встреча В. Я. Карасева с рабочими Ленинского завода и в станках народной демократии, где он охотно делился своими знаниями с зарубежными друзьями-рабочими).

Три фотографии, конечно, дают лишь самое бедное представление о большой и содержательной жизни четвертого из штурма в эту страну друзей, нередко называют «наследником царского трона». А в этой шутке — глубокий смысл: рабочий стал подлинным хозяином своей жизни, своей индустриальной державы.

Фото В. Темина

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

«Литературная газета» обратилась в эти дни к ряду советских писателей с просьбой рассказать о наиболее памятных для них годах великого сорокалетия, о поездках, встречах и впечатлениях, о своей работе в канун славного юбилея и творческих замыслах. Нашему корреспонденту рассказали...

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

ЧТО НАИБОЛЕЕ отчетливо вспоминается мне, когда я перебираю в памяти один за другим годы великого сорокалетия? Было много потрясающе радостного, прекрасного, и трудного, горестного. Был суровый 1941 год. Весь мир тогда — и друзья наши, и недруги — гадали: выстоит ли советский народ, ползавший в страшную беду, хватит ли у него веры в идеи Октября, в ленинские идеи? Не гадали, не сомневались только мы сами, советские люди. Знали одно: «Вистом, победим!» И делали все для победы.

Размышляя в эти дни над глубоко справедливыми словами Н. С. Хрущева о том, что нашим писателям нужно теснее держать связь с жизнью народа, и снова мысленно обращаюсь к тому году жестоких испытаний. Вспомним о литературе военных лет — как она шагала в едином строю с народом, как всю себя отдавала делу народа, его чаяньям. Как много литературы сделала тогда для того, чтобы приблизить победный день! Давайте же чаще оглядываться на эти тяжкие и праведные годы, давайте, как земцу ко, беречь священное единство, навсегда сплывшее нашу литературу с душой народной, с волей и верой народа!

«Вспомнил! И какими шагами пошли вперед!» — повторяешь теперь всякий раз, когда видишь, как на глазах расцветают наши колхозы и какой невиданной мощью дышат наши заводы, когда воочию убеждаешься, какая грозная, невиданная сила охраняет наш мирный труд, когда встречаешься за рубежом с людьми самых разных рас и наций, протравившими нам руку дружбы и привет.

Мы грустно отстояли юные восходы Октября — на всех этапах, во все времена. И вот теперь перед нами предметно, зримо предстают богатейшие плоды. Плоды народного труда, народной отваги, верности ленинским заветам. Плоды Октября.

Куда я эдак за последние время? Как писал? Эти вопросы трудно отделить один от другого — поездки обычно продолжаются рукописями, потом книгами...

Был в Китае и Корее. Все, что я видел там, каждый новый факт, каждая новая встреча убедительно свидетельствовали о крепнущей дружбе между народами, о высоком авторитете нашей страны — колыхали социализма, о непреодолимом стремлении людей к миру и счастью. Как итог поездки родился сценарий фильма о послевоенной свободной Корее. Писал его я вместе с корейскими товарищами — Ким Син Гу и Се Ман Ирсом. Картину ставит студия имени Горького и Государственная киностудия в Пхеньяне. Скоро фильм появится на экране.

Ездил на Кубань, в Ставрополье, в Горький и Сормово, в Иркутск, Калининград, Крым. На заводах и строительстве новых гидростанций, в колхозах, совхозах, МТС собирал материал для книги «Творчество миллионов», которая теперь вышла в Госполитиздате. Издательство «Молодая гвардия» выпускает другую мою книгу — «Долг плателем красен». Это художественно-публицистический рассказ, обращенный к молодежи — к нашей смене, нашему будущему, к тем, кому хранить и приумножать заветы Октября.

Участвовал в походе отряда советских военных кораблей вокруг Европы, с заходом в Албанию. Для меня это была новая встреча старыми моими романа «Матроски», над завершением которого много работаю сейчас.

Абдылда ТАЖИБАЕВ

ВОСЬМИЛЕТНИМ мальчишкой-сиротой встретил я Великую Октябрьскую революцию. Теперь, оглядываясь на пройденный путь, я вижу, какой грандиозный скачок сделал мой народ благодаря социалистическому строю.

Я отчетливо вижу, что путь моего народа вовсе не похож на пыльную тропинку прошлого. Моя Советская Родина создала обильные богатства — золотые нивы, молодые леса, новые реки и моря, промышленные города.

Исключительно применительно нынешний, сороковой год нашей социалистической Родины. В этом году мы впервые в человеческой истории осуществили полет искусственного спутника Земли. Новая советская звезда отправилась в путешествие вокруг планеты, засияла и заговорила. Это — светом вековых мечтаний и надежд человечества. Это — одно из исторических достижений моей Советской Отчизны, которую уверенно ведет к коммунизму великая ленинская партия.

Недавно я закончил поэму «Портреты», в которой старался создать портрет отца, погибшего в революцию, брата, который первым вступил в колхоз и был убит кулаками. Я рисовал также портрет казачьей девушки, которая сражалась на фронтах Великой Отечественной войны. Нам, советским людям, безгранична дорога память о людях, отдавших свою жизнь за великое дело Ленина. Я посвятил свою поэму этим людям.

В настоящее время работаю над созданием поэмы «От вчерашнего к сегодняшнему дню». Это будет поэтическое повествование о моей жизни и о жизни моего поколения. Само собой понятно, что, рассказывая о своей судьбе и о судьбе своих сверстников, я хочу воспеть величие Родины, величие родной Коммунистической партии. Насколько это мне удастся, скажут читатели.

АЛМА-АТА

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПЕСНЯ

— Так уж враги —
Солдат подержал —
— До вчерашнего дня
Я ружья не держал...

Если жарко —
То пели ее без руб. —
А в мороз согривали
Ее на губах.

А когда умирали
ребята
(Война!) —
Обрывались с последним
Дыханьем она.

Полк тяжелые станции
Медленно брал.
А в тифозном барраке
Поэт умерал.

И она, не дрогнув,
Летит на расцвет,
Потому, что пожертвовал
Сердце поэт.

Над республикой юной
Колчан нависал,
А поэт в это время
Стихов не писал.

Да и в голову разве
Полезут стихи
От тараканьей сухой,
От сырости трубухи.

Но однажды к поэту
Вошел, бородат,
С красной лентой
На серой папачке
солдат:

— До зарезу,
товарищ,
Нам поэзия нужна.
И долги быть
закончена
Утром она.

Вскинул брови поэт,
Стал затылок чесать:
— Никогда я не
пробовал
Песен писать.

Но когда алой лентой
Зажегся восток,
Протянул он солдату
Помытый листок.

И пошла его песня
С рабочим полком.
Одного она роста
Была со штыком.

Во имя человека

НА СТОЛЕ министра ворох листов из блокнотов — записки докладчика на разных языках. Над скамьями большого зала таблички: «Латинская Америка», «Англия», «Арабский Восток», «Скандинавия» — пестрая география двадцати с лишним стран. В зале происходит международная встреча молодых врачей, приехавших в СССР.

Вот одна из записок: «Я избрала профессию педиатра. Почему? У моих родителей, кроме меня, еще девять детей. Корь, коклюш, дифтерия, скарлатина никогда не оставляли наш дом. Не забывая о детях на Английских островах в Вест-Индии...»

В моем родном городе Пузырь-Питр много болезней и мало врачей. Ответьте, пожалуйста, госпожа министр, как у вас борются с малярией? Это болезнь «помолодела» за последнее время и не щадит у нас маленьких. Колтелон Оморин».

У профессоров, сидевших рядом, Мария Дмитриевна Ковригина свернула старую недобрую цифру — новую она хорошо помнила — и ответила своему юному коллеге из Вест-Индии.

— Сейчас малярия принадлежит к числу почти исчезнувших у нас заболеваний. Я не могу, к сожалению, сказать, что она уже полностью ликвидирована, как оспа, возвратный тиф, чума, холера — эти грозные инфекции, оставшиеся нам в наследство от царизма. Но сравните две только цифры, и вы поймете, как много сделано в борьбе с этим заболеванием.

В старой России ежегодно регистрировали до трех с половиной миллионов новых случаев малярии. У нас в прошлом году было выявлено лишь около тридцати тысяч больных этим недугом. Но эта цифра нас продолжает тревожить, мы стремимся свести ее к нулю.

На этой встрече с молодыми врачами и студентами-медиками из зарубежных стран министр здравоохранения М. Д. Ковригина недавно подробно ознакомила многонациональную аудиторию с законами охраны здоровья трудящихся в нашей стране.

— Не приведет ли Вы пример из жизни какой-нибудь национальной республики, показывающий, как СССР занял первое место в мире по приросту населения. Какими данными вы располагаете в этой области, что можно было бы узнать об этом подробнее?

— Сначала хочу обратить ваше внимание на тему снижения смертности в России. По сравнению с 1913 годом общая смертность в 1956 году снизилась в шесть раз. В США, Франции и Англии потребность не менее 80—85 лет, чтобы снизить смертность в два раза. В СССР мы достигли такого же снижения за 30 лет.

Нельзя не вспомнить цифр прошлого. Детская смертность в царской России была в 3—4 раза выше, чем в западноевропейских государствах.

— Какое место занимает медицина в СССР по обеспечению населения квалифицированной медицинской помощью. Один врач приходится у нас в среднем на шестистот человек, а в союзных республиках — в Латвии и Эстонии — на пятсот человек, в Грузии — на триста двадцать пять.

— В зарубежной печати сообщалось, что СССР занял первое место в мире по приросту населения. Какими данными вы располагаете в этой области, что можно было бы узнать об этом подробнее?

— С начала войны обратил ваше внимание на тему снижения смертности в России. По сравнению с 1913 годом общая смертность в 1956 году снизилась в шесть раз. В США, Франции и Англии потребность не менее 80—85 лет, чтобы снизить смертность в два раза. В СССР мы достигли такого же снижения за 30 лет.

Нельзя не вспомнить цифр прошлого. Детская смертность в царской России была в 3—4 раза выше, чем в западноевропейских государствах.

— Какое место занимает медицина в СССР по обеспечению населения квалифицированной медицинской помощью. Один врач приходится у нас в среднем на шестистот человек, а в союзных республиках — в Латвии и Эстонии — на пятсот человек, в Грузии — на триста двадцать пять.

— В зарубежной печати сообщалось, что СССР занял первое место в мире по приросту населения. Какими данными вы располагаете в этой области, что можно было бы узнать об этом подробнее?

— С начала войны обратил ваше внимание на тему снижения смертности в России. По сравнению с 1913 годом общая смертность в 1956 году снизилась в шесть раз. В США, Франции и Англии потребность не менее 80—85 лет, чтобы снизить смертность в два раза. В СССР мы достигли такого же снижения за 30 лет.

Нельзя не вспомнить цифр прошлого. Детская смертность в царской России была в 3—4 раза выше, чем в западноевропейских государствах.

— Какое место занимает медицина в СССР по обеспечению населения квалифицированной медицинской помощью. Один врач приходится у нас в среднем на шестистот человек, а в союзных республиках — в Латвии и Эстонии — на пятсот человек, в Грузии — на триста двадцать пять.

— В зарубежной печати сообщалось, что СССР занял первое место в мире по приросту населения. Какими данными вы располагаете в этой области, что можно было бы узнать об этом подробнее?

— С начала войны обратил ваше внимание на тему снижения смертности в России. По сравнению с 1913 годом общая смертность в 1956 году снизилась в шесть раз. В США, Франции и Англии потребность не менее 80—85 лет, чтобы снизить смертность в два раза. В СССР мы достигли такого же снижения за 30 лет.

Нельзя не вспомнить цифр прошлого. Детская смертность в царской России была в 3—4 раза выше, чем в западноевропейских государствах.

— Какое место занимает медицина в СССР по обеспечению населения квалифицированной медицинской помощью. Один врач приходится у нас в среднем на шестистот человек, а в союзных республиках — в Латвии и Эстонии — на пятсот человек, в Грузии — на триста двадцать пять.

С НИМИ ПРАВДА

П РИНЯТО считать, что великие люди обладают характером загадочным и «докопаться» до тайного тайных в этом характере помогает детство или юность героя. Менее всего подобные определения подходят к Ленину. Человек необычайной, неисчерпаемой глубины, он не был загадочной натурой, он был прост и ясен, как правда. Этими чертами отмечена и юность Ильича. И тем труднее было воссоздать в фильме «Семья Ульяновых» (сценарий И. Попова, постановка В. Невоорова) образ Володи Ульянова: ведь в этом юноше, которого порой еще считают ребенком и который сам не прочь подучаешься и соразрешит, уже угадываются могучий ум, удивительная духовная цельность, нестигаемое мужество.

Сыграть такую роль — не простое дело для актера. В. Невоорова — исполнителем роли Володи — удалось передать все нюансы своего героя, его юношескую чистоту, душевную щедрость. И несколько слабее, и сожаленно, в фильме те сцены, в которых перед нами должен предстать уже не просто добрый, чуткий, отзывчивый юноша, но только заботливый сын и любящий брат, но и недогаданный, незаурядный человек, уже замышляющий над судьбами революционного движения в России (впрочем, упрен это следует адресовать еще в большей степени, чем актеру, сценаристу и режиссеру). Та навидная интонация, которая появляется здесь у актера, подчеркиваемая замедленными жестами, вытекает с образом Ильича. В свое время И. К. Круская, анализируя спектакли, поставленные в дни двадцатилетия годовщины Октября, указывала на подобную ошибку: «На звание Ленина художник зачастую изображает его на картинах как некоего учителя, который поднимает руку и грозит пальцем приговаривая: «Надо учиться, учиться и учиться». Такой жест несвойствен был Ильичу...»

Геним не всегда становится великими деятелями революции. Почему же для Ленина иной судьбы представить невозможно? Почему, едва покинув стены гимназии, он без сомнения и колебаний целком посвящает себя делу революции? Прежде всего нужно понять, что такое семья Ульяновых. В фильме — это главное его достоинство, подлинный его успех — достоверно и убедительно показана та обстановка, в которой вырос Ленин, та нравственная атмосфера, в которой формировался его характер. Если один человек из семьи уходил в революцию — это могло быть случайностью. Когда же, как это было в семье Ульяновых, дети, подрастают, один за другим, все без исключения становились в ряды борцов против самодержавия, — значит, так их воспитывали, так их наставляли. Не случайно образ Марии Александровны Ульяновой, которую безукоризненно играет С. Гиацинтова, стал центральным в фильме. С. Гиацинтова раскрывает трагедию и счастье этой замечательной женщины. Трагедия матери, старший сын которой назван царскими палачами, а жизнь остальных ее детей — это подполье, тюрьма, ссылка, эмиграция. И счастье Марии Александровны передается актрисе — величайшее счастье, какое только может выпсть на долю матери: дети ее выросли такими, какими она хотела, чтобы они были, такими, что она могла гордо смотреть людям в глаза.

И все-таки, когда смотришь фильм об этой сияющей-хмуристой эпохе, ни на минуту не оставляет чувство грядущего торжества революции. Не только потому, что все сидящие в зале отлично знают, что будет потом. Не только это знание свершившегося в будущем, за пределами фильма, — основа нашей уверенности в том, что неминуем конец деспотизма и произвола. Главное все-таки в другом.

На экране прошли люди такого нравственного совершенства, таких изумительных моральных качеств, такой духовной мощи, что мы твердо веруем: они победят. С ними правда, справедливость, благородство — самое сильное оружие. Можно назвать десятки и сотни людей, можно бросить тысячи в тюрьмы, можно годами держать миллионы в страхе боящем. Но нельзя убить правду, нельзя запереть навечно в казематах справедливость, нельзя устранить благородство. И когда Александр без страха идет на казнь: когда Мария Александровна отвергает неумолимое предложение жандармов уговорить сына, чтобы тот купил себе жизнь ценой предательства товарищей; когда Володя после казни любимого брата говорит: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». — это то величие человеческого духа, то торжество правды, которые разобьют власть угнетателей. Эти люди будут победителями, потому что с ними правда!

Л. ЛАЗАРЕВ

Выдь на Волгу...

ЗНАЙ я эти места лет сорок тому назад. Пет. Хожаулы, большу, — лет пятнадцать.

Многу в поисках воды хлеба, вино или вверху по Волге-матушке реке, брела нищая Русь, таща на горбе самое нужное, горе неприветливое и тяжесть подневольного труда. А вот те, кто «спотыкал» главу золотым червонцем, — купцы на большие рубли устроявшие такие головоружительные гульбища, что даже сами удивлялись собственной дурачье, или строили себе «обаведения», что дума рехнешься.

И все давнясь мешанским домостроем, поповщиной, покаящешней...

Но, несмотря ни на что, народные силы копилась, росли и в тысячу девятьсот семидесятом году раздробили каменный мешанский быт и, по меткому выражению Джона Рида, «спотыкали» мур...

Потом я видел, как постепенно нарастают травами тропы в Жигулях, как дряхлеял, фавизаливался вапустае часы, черныи, сверну, оскудевали монастыри и, словно тараканы от поругури, распозвались монахи и монашки, повывирали купцы, промышленники, сгнивали владычьи именов, а народ начал выдвигать свои порвенцы, гиганты металлургии — Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, автомобильный и тракторный заводы в Горьком и Сталинграде. Все это основательно воздействовало на быт, нравы, психологию людей.

Еще в давние, весьма тяжелые годы Владимир Ильич Ленин совместно с такими учеными, как Бржизановский, Графтио и другие, в широком масштабе поставил вопрос об электрификации страны. Мысль выразилась в четкую формулу: коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

Но в те годы электрифицировать страну в широких масштабах, не смотря на все желания народа, было исключительно трудно: отсутствовали не только мощные электростанции или краны, способные поднимать тяжесть в двести пятьдесят тонн, но и электростанции, бульдозеры, большегрузные автомашины.

Мощная техника по-настоящему пошла в послевоенные годы. Ныне советские люди, при помощи исключительно отечественной техники, при помощи советских ученых — в первую голову геологов — смогли в Поволжье не только открыть нефтяной «коксан», но и уже черпают из него «моря нефти».

Советские люди построили крупные гидроузлы на Днестре, Дону, Кама, на Волге — у Шербакова, Горького, Куйбышева, заканчивают строительство в Сталинграде, начале у Саратова, на Ангаре, Оби.

А что стало с нами — с человеком, который за это сорокалетие перенес великие испытания? Гражданская война, разруха, голод двадцать первого года, напряженные первые пятилетки индустриализации страны, ватем самое напряженное и кровопролитное — изгнание из нашей страны полчищ гитлеровских головорезов...

Что же с ним стало, с этим советским человеком, имя которому — Победитель?

НАВСТРЕЧУ нам, вернее, мимо нас, со стремительной быстротой пронеслось... глянсер не глянсер, пароход не пароход. Что-то необычайное. Оно скользит по воде, оставляя после себя бурю брызг. Корпус весь на поверхности, а в воду опущены четыре стойки — два вперед, два позади. Когда мысленно приставившись бег этого необычайного «парохода», то кажется, перед тобой конь, опустивший ноги в лужу. Но тут не лужа. Какая там лужа, коль не выдать берегов!

лей, перекают. Гляди да гляди в оба. А тут — прямая путь... Мы начали забрасывать его вопросами:

— А скажите, что это недавно мимо нас пронеслось... с такой скоростью?

— Мимо-то? — кашитан тихо засмеялся. — Большой скачок вперед в области водного транспорта... Если наш первоклассный электроход делает в час до двадцати пяти километров, то тот — конструкции Алексея — дает семьдесят... Наш электроход подвержен качке, а тому лавовые волны — расчихнуть. Такому по старой Волге бегать невозможно: мели, перекаты, повороты-извороты. Море — вот его простор!

ВСЕ ТУТ просто и мудро, как хлеб. Вот уже сколько раз редакторы вычеркивали у меня это сравнение — в раскैसे, очерках, а я по-прежнему упорно вписываю его.

Перед вами лежит хлеб — простое явление. Но если вы подумаете над тем, сколько сотен тысяч лет понадобилось человеку, чтобы отыскать зерно в его дином состоянии, культивировать его, измолот, превратить в муку, муку — в тесто и из теста выпечь хлеб, — вы поймете, какое это в виду простое, а по существу мудрое создание всего человечества на протяжении сотен тысяч лет.

Так вот и тут, все просто и мудро, как хлеб.

Со стороны кажется, тянется вал, перегораживающий воду. Длина его километров шесть. Он невысокий, серо-цементный. Электростанция тоже невысокая, тоже серая. Шлово? Ну, ничего крижливое.

Просто? Да, внешне просто. Но, по существу, это одно из самых мудрейших созданий человеческого ума, и создано это советским человеком при помощи отечественной техники. Подумать только, что здесь переработано одной земли столько, что если ее уложить на железнодорожные платформы и платформы выставить в линейку, то можно пойти пять раз опоясать земной шар. Подумать только, что здесь уложены десятки миллионов тонн цемента, железа, камня. По-

думать только, что здесь воды Волги подняты на высоту двадцати шести метров — это ведь высота девятиэтажного дома. Подумать только, что эта плотина держит Куйбышевское море, которое раскинулось в длину на пятьсот километров. Подумать только, что вот те вода, а советский человек завоевал ее в цемент — бетонную броню и вставил служить себе. Вон по Жигулевским горам бегут красивые металлические вышки — это, как их тут зовут, «ноги Комьяна». Издали видны толстенные провала. Но ним несется электроэнергия во все концы...

Да это же она такой, свидетельница такого простого и мудрого сооружения на Волге, как Куйбышевский гидроузел? Не его ли природители и даже родители всего того сорок лет тому назад здесь же, на Жигулевских горах, в поисках куска хлеба протоптали тропы?

Кто же он такой — этот советский человек? И разве нам, инженерам человеческих душ, не положено тут задуматься, чтобы возникнуть в логикологическое, быт этого создателя. Ведь писатель (если он разумный) извечно пытается в своем творчестве жить, а живя он познает через человека.

Давайте начнем беседу с Иваном Васильевичем Комьяном, начальником строительства Куйбышевского гидроузла.

и потому утвердился заместителем министра одного крупного союзного министерства. Однако прежде чем дать согласие принять на себя главную ответственность за колоссальное строительство на Волге, он несколько дней провел в мучительной тревоге...

Но вот красавица на Волге, Куйбышевская плотина, создана. И как же чувствует себя Комьян теперь, когда все самое трудное уже позади? Ведь наряду с народными порывами, трудовым энтузиазмом было немало и неприглядных вещей. Но финиш светлый: гидроузел построен!

Как-то чувствует себя ныне Комьян?

По всему видно, он сейчас спокоен: его крупные ружья, и те мирно лежат на белой скатерти. Может, с этого и начать — со спокойного?

— Разве все у вас на строительстве происходило уверенно и спокойно?

Выслушав меня, Комьян говорит: — Уверенность — это основа основ, иначе мы не овладели бы такой махиной. Но не спокоебно. Вода — наш друг, когда мы ею владем, и наш злейший враг, когда мы устремлены овладеть ею.

— Что-то не понимаю вас.

— Вода — друг: она дает дешевую и обильную электроэнергию.

— Ну, а враг?

— Мы строим на воде и в воде. Вода обладает таким свойством, что проникает даже через цемент, не говоря уже о песчаном грунте. Недостаток, и все, что ты построил, ползет, как карточный домик.

— Но ведь предвзрительно геологи исследуют и дают вам карту грунтов?

— Геологи? Они, конечно, проделывают огромную работу. Без них мы были бы слепы. Но разве под землей, да еще под дном такой реки, как Волга, можно видеть все, как на ладони? Во время строительства много было неожиданных вещей, и порою весьма серьезных. Вот тут-то вода и является нашим злейшим врагом. Строй, и каждый миг осматривайся: вода — враг алой и хитрый — просочится там, где ты и не ждешь. Ну, все эти неожиданности в прошлом.

Все это, конечно, интересно, что говорит Иван Васильевич, но он

«ОКТАБРЬ»

«ОКТАБРЬ» открывается переловой статьёй «Сорок лет». В. И. Ленину посвящена поэма И. Родивенского «Вечно живое сердце» и воспоминания В. Шульгина «Незабытые встречи».

Очерк Ф. Панферова «Сказание о Поволжье» рисует достижения в послевоенном строительстве нашей Родины.

В номере публикуются: пьеса А. Софронова «Человек в отставке», поэма Г. Леонидзе «Страна солнца» и стихи В. Урина, поэма Н. Агеева «Огни на Чусовой», рассказы К. Файзулина «Сверстники».

«НОВЫЙ МИР»

В НАЧАЛЕ праздничного номера — подборка «Размышления писателей об Октябре». «Сорок Октября» — сорок стихотворений... — это своеобразная маленькая поэтическая летопись, в которой публикуются лучшие стихи о Великой Октябрьской социалистической революции сорока русских советских поэтов.

От начала вооруженного восстания в Петрограде до его завершения, с утра 24 декабря до вечера 26 октября 1917 года, прошло всего сорок восемь часов. Об этих исторических часах рассказывается в литературном монтаже «Петроград, 24—26 октября 1917 года» (Хроника двух дней).

Под рубрикой «Из документов тех дней» впервые публикуются архивные материалы об установлении Советской власти в различных городах и губерниях страны.

Октябрьской революции посвящены публикуемые в номере повести М. Козакова, стихи Я. Смелякова, К. Ващенко, армянского поэта П. Севака и чешского И. Тауфера.

Литературная критика представлена статьями А. Караганова «Черты творческого метода» и Е. Добина «Богатырское племия».

В отделе «Отголоски минувшего» публикуется записная книжка Ульяны Громовой, обнаруженная в фондах Ворошиловградского партийного архива.

«ПОДЪЕМ»

В ПЯТОМ номере журнала «Подъем» публикуются документы об установлении Советской власти в областях Центральной черноморской полосы. Здесь печатаются воспоминания Маршала Советского Союза С. М. Буденного «В боях за Воронеж», документы о пребывании М. И. Калинин в Воронеже после освобождения города от белогвардейцев. Старый большевик А. Исаев рассказывает о боевых действиях своего батальона на воронежских курканах против белых банд в 1919 году. Поэма В. Коробникова «За Советскую власть» посвящена Воронежу. В номере — оканчивание романа Е. Горбачева «Дом под тополями», поэма Ф. Ковалева «Коммунизм», очерки Г. Тропелюцкого и Н. Родина, статья ректора Воронежского университета Б. Михантьева. Широко представлены критика и библиография.

только с природой, но с отдельными слоями людей, отдельными характерами. Большим коллективом в пятьдесят тысяч человек надо уметь руководить, надо было расставить людей, выковать их, обучить, наконец, при их помощи освоить ценность в несколько миллиардов рублей. В чем же мое, личное? Что радует меня? Когда я смотрю на все то, что создал народ за эти годы вот здесь, в Жигулях, я говорю себе: «Это и мое, и слава о нас не померкнет никогда». Но почему во внимание принимать только меня? Кажется, кто создал гидроузлы, думает так же, как и я: «Это и мое, и слава о нас не померкнет никогда». В этом наше отличие от Фордов: мы дали стране дешевую электроэнергию, и это народное благо радует нас.

Да, он прав: с кем бы ни сталкивался, с кем бы ни беседовали — от крупного, убежденного солидера инженерно-рабочего шофера до простого колхозника, участвовавшего в строительстве гидроузла, — все, и почти в тех же словах, высказывают единую гордость и радость.

— Вот мы какие. Вот что мы можем!

МЫ ТОЛЬКО ЧТО осматривали новый город, где ряд зданий еще в лесах. Красивый город: прямые, чистые улицы и столько зелени — все дома, дома уютно утопают в листьях. Одно можно сказать: в таком городе хочется жить!

Президент горсовета Михаил Иванович Кушников, со слезом улыбки на правой руке (она почти не действует), подкрепляет:

— Здесь живут главным образом рабочие и инженеры нефтеперерабатывающего завода.

— А где завод? — А вот давайте посмотрим, — и Михаил Иванович первый сел в машину.

Уже густые сумерки, переходящие в ночь. Уже зажгли огонь, и тьма охватывает предметы, дома, здания.

Машинка остановилась на площадке. По правую сторону — залитый электрическим светом садик, по левую — двухэтажное промышленное здание, в даль-

«Я обдумывал одну работу, а потом спросил себя: что же это такое? Ни повесть, ни стихотворение, ни роман. Что же это? Да то самое, что нужно».

Л. Толстой

ОБРАЗ «Голубой чашки» Гайдара возник передо мной при чтении «Владимирских проселков» В. Солоухина («Новый мир», № 9, 10 за 1957 г.).

Здесь та же глубокая ясность восприятия, то же ощущение первоначальности мира, то же открытое наслаждение поэзией природы и поэзией родного края.

По родной земле идет человек, не только готовый увидеть чудо в каждой травинке, в каждом цветке. «Мы шли, как первооткрыватели, и все — от ветки цветущей бруслики до председателя колхоза, от могилы фельдмаршала до растущих надоев колода, от оранжевой вичитки Кольчугина до головастиков в Клиновском пруду, — все касалось нас», — заявляет автор.

Кто же он — автор «Владимирских проселков»? Он не турист. Он не облебен и официально полномочиями, но у него самые высокие и самые верные полномочия — полномочия сердца. Итак, новоявленное «хождение в народ»? Но в эпоху, когда родилось это определение, в народ шли кающиеся дворяне и разночинцы, люди самоотверженные и благородные, но не знавшие народа и трагически убеждавшиеся в этом при первом столкновении с ним. А здесь?

Может быть, самые берущие за душу страницы «Владимирских проселков» — это «узнавание» народом своего, владимирского паренька, выросшего здесь и сейчас вернувшегося, хотя и с не совсем понятной, но смутно угадываемой, желанной миссией.

Иногда это звучит просто так: «Не Ленская ли Ленкевична сынок?»

— Его.

— То-то вижу, вроде бы человек-то знакомый.

А иногда и так: «Старая женщина, вздувшая огонь, оглядела нас всех и остановила на мне странный, долгий, воспитательный взгляд. Потом она вышла, но тут же вернулась, начала хлопотать с самоваром, а я то и дело ловил на себе ее взгляды, от которых становилось жутко. Сначала во взгляде ее был немой вопрос, потом почти мольба, потом осталась одна лишь боль. Тогда я осмелился, спросил ее, почему она на меня смотрит, может, где-нибудь видела раньше.»

— Думала, сын вернулся, да поначалу не открывался. Сын у меня был — две капли с тобой. Тринадцать лет яду. Бумаг похоронных не было, — значит прийти должен.

Автору показывают фотографии сына, он не видит особенного сходства с собой, но так же как он не спорит, что он «сын» Ленская Ленкевична, он не спорит и здесь: «Матери виднее, — значит что-то было».

Как знаменательны эти как будто бы случайные, вскользь брошенные слова. Как подчеркивают они то, другое родство, родство не по крови, а по биографии, которого не могло не быть у автора с сыновьями владимирского народа, и живыми, и погибшими из свободы Родины.

«О, красна ты, Земля Володимирова!» — сказано в одной старинной рукописи, но разве так почувствовали бы мы ее прелесть, разве так целостно и ясно встала бы она перед нами, если бы не писал о ней человек, призывающий стать на колени перед

«невзрачной цветочной мелочью», чтобы бережнее рассмотреть ее красоту, если бы не любил его читатель с первых страниц повествования, не принял бы близко к сердцу замысел его путешествия?

Разве бы удалось автору заинтересовать читателя, взять его за живое сведения об истоках реки Ворши, если бы одним из невыполненных маршрутов его детства, его мечтой, светлой, как сама речка, было — дойти до истоков Ворши?

Он нашел эти истоки, и так создавалась одна из замечательных пейзажных зарисовок, щедрой рукой разбросанных по страницам этой книги.

Восторг перед красотой родной земли, восхищение ее людьми развиты по страницам «Владимирских проселков». Но это не умиление, при котором застывшая глаза слеза мешает трезво рассмотреть окружающее.

Нет. С самого начала повествования идет довольно точное и непримиримое «отмежевание» от непримлемых для автора человеческих черт, качеств, поступков, и затем оно переходит в трезвую оценку хорошего и плохого, передового и отсталого, живого и отживающегося в колхозах и городах Владимирщины.

«Любо и дорого, — сказал однажды Горький, — когда один глаз глядит на жизнь, а другой блуждает по строкам книги». Как во всяком очерке, в жарке раздумий и обобщений, в произведении Солоухина очень ощутим «книжный опыт». Здесь чувствуются и многочисленные исследования по ботанике, и Брем, здесь и русские летописи, и Костомаров, и Соловьев, и Карамзин. Но все это не легко мертвым грузом во «Владимирских проселках». Это только «лес», которые помогли просторно зданию.

И вот и конец путешествия. И грустно уезжать, покидать эти сильные полюбившиеся родную землю. И, заглянув эти чувства, вся лавина наблюдений и впечатлений собирается в вывод, что даже «при беглом взгляде, кинутым на Владимирские земли, где новое, растущее, победившее так причудливо перемешалось со старинным, невозможно не ощутить тех глубоких перемен к светломu, которые произошли в душах русских людей и благодаря которым каждый говорит про себя, что он не просто русский, но советский русский человек.»

И другой: «внимание, которое уделяла партия деревне, согрело и оживило вместе с силами Подмосковья, или Украины, или Сибири и мою Владимирщину.»

Конечно, есть в «Владимирских проселках» недочеты. Есть места растянутые и поэтому бледные, попадаются так не идущая к этой вещи сухая информация, но эти недостатки легко устранимы.

Хотелось сказать о главном. По родному краю прошел ясный и чистый человек, писатель с большим лирическим даром, и создал «то самое, что нужно».

Ленские и лучше стал прочитавшим «Владимирские проселки». Он увидел, как неисчислимы просторы родной страны, бесчисленны ее духовные и материальные богатства, как величава ее история, ясны и широки дали, открывающиеся перед ней.

И еще урок: неиссякаемы возможности творчества, если тесно связан с народом, любишь то, о чем пишешь, и если ты «поэт в душе».

Евг. ЖУРБИНА

Иллюстрации художника Л. Котлярова к роману Геннадия Гончаренко «Честь». Книга выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Новаторство, рожденное революцией

СРЕДИ великих представителей мировой литературы, творивших за последнее столетие, трудно назвать другое имя, которое бы в такой степени, как имя Горького, воплощало собою многообразнейшее и постоянно обновляющееся новаторство.

Творения Горького отражают собою подготовку социалистической революции и сыграли активнейшую роль в этом всемирно-историческом процессе. К сожалению, роль эта характеризуется подчас еще беднее.

Существует, в частности, склонность искусственно выдвигать из горьковского энциклопедии русской жизни и русского человека образы промышленных пролетариев, причем забывается о том, что в старой России, как указывал Ленин, большинство населения принадлежало к полупролетариату. Горький изображал людей, принадлежащих к полупролетариату, а распадавшемуся мещанству, взвешивая возможности в сознательную жизнь и деятельность, в политику.

Как и странно, недооценивается и политическая острота некоторых горьковских произведений первой половины 20-х годов — именно с точки зрения задач, поставленных Великой Октябрьской социалистической революцией. Так обходится значение, какое имело настоятельное вскрытие великим писателем психологической подоплеки и бытовых проявлений разного рода анархических настроений. А ведь как многозначителен образ того рабочего, «политического воротилы», с которым автор «Мнох университетов» довелось беседовать в начале 20-х годов! Собеседник Горького уверен, что «захватит власть окончательно», рабочий не согласится на государство: «Ни за что! Все разойдутся, и каждый, за свой страх, устроит себе спокойный уголок... Человек покоя не дадут».

Для Горького такого рода мысли (он слышал их в разное время от разных людей) были «оглушающими», душающими его.

В усталости, разочарованности и скептическом отношении этого рабочего к государству (действительного он сам видел), в тлеке к жизни «попроще» чувствуется то отчаяние, которое, по словам Ленина, «выражает в анархизме». Этого человека можно себе представить и в рядах «рбочей оппозиции».

Как известно, сам Горький некоторое время превеличил уделный вес анархических настроений, в особенности в крестьянском, а также в рабочем движении. Этого человека можно себе представить и в рядах «рбочей оппозиции».

Своим искусством помогал Горький партии вести народ к социализму и в наши дни помогает идти к коммунизму.

Идею новаторства Горького неотрывно от его художественных открытий.

На протяжении всего пути Горького средства изображения им человека и мира, а особенно словесная ткань его произведений подвергались разительным изменениям и совершенствованию, хотя ряд основных идейно-художественных принципов оставался чрезвычайно устойчивым. У нас еще мало сказано о том, что принципиально художественно нового и по сравнению с «Матерью» дало позднее творчество Горького. Начиная с рассказов «По Руси», эпическое и лирическое начало выступает у Горького в необычайной в мировой литературе сплетении. Человек, плоть и духом связанный с народной жизнью и этически передающий ее движение, лирически напряженно переживает драматизм противоречий ее развития и сам воспринимается как могучий фермент ускорения последующего.

Иногда еще самые различные «пласты» жизни не были изображены в таких сложных слитках, сцеплениях и контрастах. Старуха-знахарка говорит с богом так,

даже эта имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

— Нет. Позвольте. Как же это так: «А зачем мне фон?» — возразил я. — Как зачем фон? Известно вам, что Татария по добыче нефти обогнала Баку? Обогнала и Башкирия. Из очереди Саратов, Сталинград. В следующем году обогонит «Буйбышевнефть». Пять Баку за какое-то десятилетие. Видеть — море нефти! А вы говорите — зачем вам фон? Без такой нефти государство задохнулось бы, как человек без воздуха.

— А рыба? Пахнет ведь. — уже разстеряно выпалил он.

— Рыба. Вы должны знать, сейчас создают отстойники, а воду, пахнущую нефтью, снова загоняют в скважины. Так что, пока вы пишете повесть о стерляди, пахнущей нефтью, рыба перестает пахнуть. Я скажу вам грубо: вы решили ковыряться в дрянце получить славу от народа. Не получите. Народ занят социальными трудами, а результат этого труда светлый: гидроузлы на Волге, десятки новых заводов на Волге, гигантские количества нефти в бассейне Поволжья, новые города... А вы копаетесь в хлябце. Наряд это дрянно тоже жалко, но не копаетесь в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и валу повесть.

Я бы не писал об этом «печальном событии», если бы такой хлябце был поражен только вот этот молодой писатель. К сожалению, не той тропой идут к цели и некоторые его соотечественники.

Я не хочу упоминать имени известного писателя, призывы которого ковыряться в дрянце жизни поразяла вот такой хлябце некоторых молодых даровитых писателей. Но требуется ему сказать:

— Почему ты друг, сомкнул уста? Почему открыто не скажешь, что сам не той тропой идешь к цели и не той тропой по-разному писатели Москвы? Бо-

же это имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

— Нет. Позвольте. Как же это так: «А зачем мне фон?» — возразил я. — Как зачем фон? Известно вам, что Татария по добыче нефти обогнала Баку? Обогнала и Башкирия. Из очереди Саратов, Сталинград. В следующем году обогонит «Буйбышевнефть». Пять Баку за какое-то десятилетие. Видеть — море нефти! А вы говорите — зачем вам фон? Без такой нефти государство задохнулось бы, как человек без воздуха.

— А рыба? Пахнет ведь. — уже разстеряно выпалил он.

— Рыба. Вы должны знать, сейчас создают отстойники, а воду, пахнущую нефтью, снова загоняют в скважины. Так что, пока вы пишете повесть о стерляди, пахнущей нефтью, рыба перестает пахнуть. Я скажу вам грубо: вы решили ковыряться в дрянце получить славу от народа. Не получите. Народ занят социальными трудами, а результат этого труда светлый: гидроузлы на Волге, десятки новых заводов на Волге, гигантские количества нефти в бассейне Поволжья, новые города... А вы копаетесь в хлябце. Наряд это дрянно тоже жалко, но не копаетесь в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и валу повесть.

Я бы не писал об этом «печальном событии», если бы такой хлябце был поражен только вот этот молодой писатель. К сожалению, не той тропой идут к цели и некоторые его соотечественники.

Я не хочу упоминать имени известного писателя, призывы которого ковыряться в дрянце жизни поразяла вот такой хлябце некоторых молодых даровитых писателей. Но требуется ему сказать:

— Почему ты друг, сомкнул уста? Почему открыто не скажешь, что сам не той тропой идешь к цели и не той тропой по-разному писатели Москвы? Бо-

же это имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

— Нет. Позвольте. Как же это так: «А зачем мне фон?» — возразил я. — Как зачем фон? Известно вам, что Татария по добыче нефти обогнала Баку? Обогнала и Башкирия. Из очереди Саратов, Сталинград. В следующем году обогонит «Буйбышевнефть». Пять Баку за какое-то десятилетие. Видеть — море нефти! А вы говорите — зачем вам фон? Без такой нефти государство задохнулось бы, как человек без воздуха.

— А рыба? Пахнет ведь. — уже разстеряно выпалил он.

— Рыба. Вы должны знать, сейчас создают отстойники, а воду, пахнущую нефтью, снова загоняют в скважины. Так что, пока вы пишете повесть о стерляди, пахнущей нефтью, рыба перестает пахнуть. Я скажу вам грубо: вы решили ковыряться в дрянце получить славу от народа. Не получите. Народ занят социальными трудами, а результат этого труда светлый: гидроузлы на Волге, десятки новых заводов на Волге, гигантские количества нефти в бассейне Поволжья, новые города... А вы копаетесь в хлябце. Наряд это дрянно тоже жалко, но не копаетесь в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и валу повесть.

Я бы не писал об этом «печальном событии», если бы такой хлябце был поражен только вот этот молодой писатель. К сожалению, не той тропой идут к цели и некоторые его соотечественники.

Я не хочу упоминать имени известного писателя, призывы которого ковыряться в дрянце жизни поразяла вот такой хлябце некоторых молодых даровитых писателей. Но требуется ему сказать:

— Почему ты друг, сомкнул уста? Почему открыто не скажешь, что сам не той тропой идешь к цели и не той тропой по-разному писатели Москвы? Бо-

же это имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

— Нет. Позвольте. Как же это так: «А зачем мне фон?» — возразил я. — Как зачем фон? Известно вам, что Татария по добыче нефти обогнала Баку? Обогнала и Башкирия. Из очереди Саратов, Сталинград. В следующем году обогонит «Буйбышевнефть». Пять Баку за какое-то десятилетие. Видеть — море нефти! А вы говорите — зачем вам фон? Без такой нефти государство задохнулось бы, как человек без воздуха.

— А рыба? Пахнет ведь. — уже разстеряно выпалил он.

— Рыба. Вы должны знать, сейчас создают отстойники, а воду, пахнущую нефтью, снова загоняют в скважины. Так что, пока вы пишете повесть о стерляди, пахнущей нефтью, рыба перестает пахнуть. Я скажу вам грубо: вы решили ковыряться в дрянце получить славу от народа. Не получите. Народ занят социальными трудами, а результат этого труда светлый: гидроузлы на Волге, десятки новых заводов на Волге, гигантские количества нефти в бассейне Поволжья, новые города... А вы копаетесь в хлябце. Наряд это дрянно тоже жалко, но не копаетесь в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и валу повесть.

Я бы не писал об этом «печальном событии», если бы такой хлябце был поражен только вот этот молодой писатель. К сожалению, не той тропой идут к цели и некоторые его соотечественники.

Я не хочу упоминать имени известного писателя, призывы которого ковыряться в дрянце жизни поразяла вот такой хлябце некоторых молодых даровитых писателей. Но требуется ему сказать:

— Почему ты друг, сомкнул уста? Почему открыто не скажешь, что сам не той тропой идешь к цели и не той тропой по-разному писатели Москвы? Бо-

же это имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

— Нет. Позвольте. Как же это так: «А зачем мне фон?» — возразил я. — Как зачем фон? Известно вам, что Татария по добыче нефти обогнала Баку? Обогнала и Башкирия. Из очереди Саратов, Сталинград. В следующем году обогонит «Буйбышевнефть». Пять Баку за какое-то десятилетие. Видеть — море нефти! А вы говорите — зачем вам фон? Без такой нефти государство задохнулось бы, как человек без воздуха.

— А рыба? Пахнет ведь. — уже разстеряно выпалил он.

— Рыба. Вы должны знать, сейчас создают отстойники, а воду, пахнущую нефтью, снова загоняют в скважины. Так что, пока вы пишете повесть о стерляди, пахнущей нефтью, рыба перестает пахнуть. Я скажу вам грубо: вы решили ковыряться в дрянце получить славу от народа. Не получите. Народ занят социальными трудами, а результат этого труда светлый: гидроузлы на Волге, десятки новых заводов на Волге, гигантские количества нефти в бассейне Поволжья, новые города... А вы копаетесь в хлябце. Наряд это дрянно тоже жалко, но не копаетесь в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и валу повесть.

Я бы не писал об этом «печальном событии», если бы такой хлябце был поражен только вот этот молодой писатель. К сожалению, не той тропой идут к цели и некоторые его соотечественники.

Я не хочу упоминать имени известного писателя, призывы которого ковыряться в дрянце жизни поразяла вот такой хлябце некоторых молодых даровитых писателей. Но требуется ему сказать:

— Почему ты друг, сомкнул уста? Почему открыто не скажешь, что сам не той тропой идешь к цели и не той тропой по-разному писатели Москвы? Бо-

же это имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

— Нет. Позвольте. Как же это так: «А зачем мне фон?» — возразил я. — Как зачем фон? Известно вам, что Татария по добыче нефти обогнала Баку? Обогнала и Башкирия. Из очереди Саратов, Сталинград. В следующем году обогонит «Буйбышевнефть». Пять Баку за какое-то десятилетие. Видеть — море нефти! А вы говорите — зачем вам фон? Без такой нефти государство задохнулось бы, как человек без воздуха.

— А рыба? Пахнет ведь. — уже разстеряно выпалил он.

— Рыба. Вы должны знать, сейчас создают отстойники, а воду, пахнущую нефтью, снова загоняют в скважины. Так что, пока вы пишете повесть о стерляди, пахнущей нефтью, рыба перестает пахнуть. Я скажу вам грубо: вы решили ковыряться в дрянце получить славу от народа. Не получите. Народ занят социальными трудами, а результат этого труда светлый: гидроузлы на Волге, десятки новых заводов на Волге, гигантские количества нефти в бассейне Поволжья, новые города... А вы копаетесь в хлябце. Наряд это дрянно тоже жалко, но не копаетесь в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и валу повесть.

Я бы не писал об этом «печальном событии», если бы такой хлябце был поражен только вот этот молодой писатель. К сожалению, не той тропой идут к цели и некоторые его соотечественники.

Я не хочу упоминать имени известного писателя, призывы которого ковыряться в дрянце жизни поразяла вот такой хлябце некоторых молодых даровитых писателей. Но требуется ему сказать:

— Почему ты друг, сомкнул уста? Почему открыто не скажешь, что сам не той тропой идешь к цели и не той тропой по-разному писатели Москвы? Бо-

же это имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

— Нет. Позвольте. Как же это так: «А зачем мне фон?» — возразил я. — Как зачем фон? Известно вам, что Татария по добыче нефти обогнала Баку? Обогнала и Башкирия. Из очереди Саратов, Сталинград. В следующем году обогонит «Буйбышевнефть». Пять Баку за какое-то десятилетие. Видеть — море нефти! А вы говорите — зачем вам фон? Без такой нефти государство задохнулось бы, как человек без воздуха.

— А рыба? Пахнет ведь. — уже разстеряно выпалил он.

— Рыба. Вы должны знать, сейчас создают отстойники, а воду, пахнущую нефтью, снова загоняют в скважины. Так что, пока вы пишете повесть о стерляди, пахнущей нефтью, рыба перестает пахнуть. Я скажу вам грубо: вы решили ковыряться в дрянце получить славу от народа. Не получите. Народ занят социальными трудами, а результат этого труда светлый: гидроузлы на Волге, десятки новых заводов на Волге, гигантские количества нефти в бассейне Поволжья, новые города... А вы копаетесь в хлябце. Наряд это дрянно тоже жалко, но не копаетесь в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и валу повесть.

Я бы не писал об этом «печальном событии», если бы такой хлябце был поражен только вот этот молодой писатель. К сожалению, не той тропой идут к цели и некоторые его соотечественники.

Я не хочу упоминать имени известного писателя, призывы которого ковыряться в дрянце жизни поразяла вот такой хлябце некоторых молодых даровитых писателей. Но требуется ему сказать:

— Почему ты друг, сомкнул уста? Почему открыто не скажешь, что сам не той тропой идешь к цели и не той тропой по-разному писатели Москвы? Бо-

же это имеет свое название: «Упорное ковыряние в дрянце». Если это так, тогда нужно осторожно лечение. Говорю:

— А вы представляете себе, на каком фоне стерлядь запахла нефтью?

— А зачем он мне, фон ваш. Вот, вот, — и молодой писатель остервенело отодвинул от себя тарелку с ухой. — Позор! Довели!

ВЕХИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Андрэ ВЮРМСЕР

ЧЕТЫРНАДЦАТОГО июля 1789 года парижане ввалили в Бастилию. Людовик XVI записал в своем дневнике: «Сегодня ничего не произошло». Девятого ноября 1917 года, когда пресса сообщала, что петроградские «максималисты» временно захватили власть, я обнаружил ровно столько же политической пропагандистской, как и этот монарх.

Андрэ ВЮРМСЕР — известный французский писатель и публицист. Его перу принадлежат много произведений, в том числе семитомный роман-эпопея «Человек приходит в мир». В нем автор на широком фоне исторических событий показывает, как постепенно приходит к коммунизму французский интеллигент из мелкобуржуазной среды. Прогрессивная литературная критика оценила созданный Вюрмсера эпопею «Человек приходит в мир» как знаменательную веху в развитии современного многотомного романа.

Помню, как я выглядел тогда: молодой бледный с жестким пристрастным воротничком и щегольским усов стоит на бульваре перед театром «Жимназ» и держит в руках газету... Прочитанное сообщенье очень мало заинтересовало меня. Оно никак не перекликалось с моими думами. Тогда меня занимали, главным образом, гений Бодлера и мысль о безумии рода человеческого, исключая поэтов. И совершенно не отдавал себе отчета в значительности этого дня. Не знаю почему, но я и сейчас вижу себя неподвижно стоящим на тротуаре и спокойно читающим такую новость, равной которой не печатали никогда со времени изобретения типографского станка...

И мои друзья не лучше меня восприняли событие, впоследствии определившее всю их жизнь. Нам было по восемнадцати—двадцати лет. Все мы были поэтами, и, честно говоря, довольно скверными. Нас одолевала бедность. Своей причастности к поэзии мы придавали огромное значение. Большинство из нас было сыновьями служащих, скромных и честных людей, поглощенных собственными делами. И отцы, и сыновья постоянно испытывали денежные затруднения. Правда, нам угрожали гораздо большие трудности. Каждая осень уносила на фронт новые и новые партии молодежи. А война все не кончалась. Нам грозила смерть. Смерть ради чего? Идолы старого мира рухнули и валялись в грязи и крови. Наше поколение воспитывалось для жизни в устойчивом мире, где на протяжении века с четвертью французский франк имел неизменно один и тот же золотой эквивалент. Нас воспитывали в духе веры в непрерывный прогресс. И внезапно мы очутились — отрезвленные и разочарованные. Мы торчали в окопах, и в сердцах наших была пустота.

Разумеется, мы казались анархистами. И дело не в том, что мы принадлежали к какому-либо актеристскому движению, — мы считали себя выше всякого экстремизма. Мы впитали в небесах, точнее, — в облаках. Патриотизм, который нам прививали в начальной школе, оказался заметно дискредитированным условиями бесстыдной прессы с ее постоянным новинизмом, новостностью и ежедневным нагромождением всечасных ужасов. Мы считали себя революционерами, ибо ненавидели буржуа, которого рассматривали прежде всего как «антисоциальное животное». Мы были стихийными или дерзкими порожженцами. И все же я не утратил окончательно любовь к родине и даже к демократии, хотя и не решился признаться в этом.

Я не хочу изображать нас хуже, чем мы были на самом деле.

Все наши симпатии, все, чем мы дышали и что могло принести форму симпатий, оказались на стороне Октябрьской революции. В нашем романтическом представлении Октябрьская революция не замедляла обещать нам режим новым строем, более логичным, более благоприятствующим расцвету человека; она представлялась нам грузинским, полным работами в кожаных куртках, с винтовками на плече и опасными ремнями с патронными сумками... Россия, строительство социализма, рабоче — все это было далеко от нас. Да и что знали мы о России, о социализме, о рабочих? Ничего или почти ничего. Сердцем мы тянулись к большевикам, но головы наши занимало другое.

Долгое время я зарабатывал себе на жизнь так, как меня вынуждали обстоятельства и мое происхождение. Я был коммюваром и мажором, испытывал унижения и суровую борьбу, с которыми связаны эти профессии.

Раз в четыре года, когда приближался парламентские выборы, меня охватывало лихорадочное возбуждение. Человек легкого толка, я так же, как и все люди моего круга, голосовал за капиталистов-коммунистов. Впоследствии жена изумилась этим внезапным приступам лихорадки и подтрунивала надо мной.

Я писал книги. Бережно вынашивал их, шифровал, «вылизывал». Книжки выходили в свет. Хорошо ли, худо ли, но они отражали мою глубокую неудовлетворенность и несправедливость судьбы, мою неспособность понять смысл жизни, смысл литературы.

Окружающее отнюдь не устраивало меня. Это я помню хорошо. Это определило мое созревание? Экономический кризис и нищета, которую он породил и сделал очевидной, Гитлер — воплощение войны и вырождения человека, его подражатели, появившиеся после победы над Францией — все это рождало образ, повисший надо мной. На следующий же день после фашистского путча 6 февраля 1934 года я вступаю на путь политического действия.

Почему коммунисты сразу оказали мне доверие? Могу объяснить

это только так: я был честен, разумею, бескорыстен и не пытал враждебности к ним; они же честно и бескорыстно отстаивали дело разума; я всегда с ними соглашался.

Остальное понятие само собой: перестав отвергать с «чувством превосходства» проблемы, вставая передо мной, я уже не мог не стремиться к их действительному и справедливому разрешению. Я сделался коммунистом, чтобы не краснеть за то, что не являюсь им.

Минуло более двадцати лет. Оглядываясь назад, я понимаю: то, что могло показаться трещиной в моей жизни, в действительности было несправедливой некоей узурпаторской власти, душившей меня; позже, умудренный опытом, я дал волю тому, что оставалось во мне невражденным, неосознанным, замаскированным, но всегда живым. Оглядываясь назад, я понимаю: то, что могло показаться трещиной в моей жизни, в действительности оказалось моим вторым рождением, и оно обусловлено 6 февраля 1934 года, а 7 ноября 1917 года.

Моего брата убили под Верденом в 1916 году. Я разрывался тогда между любовью к родине, ополченной ура-патриотами, и любовью к миру, казавшейся не совместимой с первой. Вслед за Арагоном я могу сказать: «Моя партия вернула мне Францию знамя!» Могу сказать, что моя нынешняя ненависть к войне имеет совершенно иную подоплеку, по-новому действительна.

Я извела унижения, связанные с торговыми занятиями, испытала неумолимые и жестокие законы конкуренции, вынуждающей лгать и жульничать. Теперь я борюсь за строй, который уничтожит все это и вернет человеку достоинство. Он даст его даже тем людям, которые по сей день не знают, в чем оно состоит.

Узнав, каким целям служит мораль, которую нам некогда прививали, я отбросил ее и принял новую. Ведь даже понятие о чести и то оказалось ловушкой для дураков! В наши дни слыть так называемым «человеком чести» — значит быть попросту жертвой обмана. Ибо истинная честь человека — только в служении классу, при-

званному завершить освобождение всего человечества.

Когда-то я писал для того, чтобы «сделать прекрасное еще более прекрасным». Я сочинял для себя и для немногих других. Ныне я пишу, чтобы показать людям правду, надеясь, что те, кто говорит и пишет, как я, будут услышаны.

Жизнь казалась мне лишней смыслом и целью. А сейчас и я могу сказать: «И все-таки она вернется!» Жизнь обрела смысл, который я привнес в нее. «Связав ее с жизнью других», как говорит Морис Торец. Мой «всесторонне эстетический» диапазон ценностей основывался на пустоте: теперь он врос корнями в землю, на которой живут люди. И если мне снова придется говорить о себе, как, например, сегодня, то и это буду делать лишь в той мере, в какой мое существование и мой опыт покажутся показательными и поучительными.

Я был «человеком литературного труда»; я стал просто человеком.

Не будь Октябрьской социалистической революции, те, кто, подобно мне, «приходят издалека», так и застыли бы на месте. Парижская Коммуна «штурмовала небеса», Октябрь опустил идею с небес на землю, сопоставил доктрину с реальностью.

Седьмого ноября началось все: и ловое время, и становление нового человека. Седьмого ноября — создался я это тогда или нет — было подлинной датой моего рождения.

Научные идеи социализма Советский Союз воплотил на практике. И понял это в декабре 1934 года в Москве, тогда еще спартанской, а еще лучше — в рабоче-крестьянской Москве послевоенного времени. На все сомнения, домыслы, восторженные вопросы Советский Союз дает ответ самим фактом своего существования, как бы восклицая: «Что ж, господа, давайте говорить серьезно!» И это чувствуется всякий раз, когда вступаю на землю Советской страны. Без победы 7 октября, а быть может, по сей день, подобно представителям предшествующих поколений, разглаживалась бы о социализме и народной культуре в чаду трубочного дыма, за несчетным количеством рынков...

Все испытания, все победы Советского Союза — вехи в нашей жизни. Мы учились на его достижениях и ошибках, будучи связанными с ним так, как мысля связана с телом. Реальными фактами, множеством заводов и школ, сложившейся целикой Советский Союз доказал полную обоснованность доктрины, которая является столь же нашей, сколь и его, но именно благодаря ему превратившейся из гипотезы в прочную уверенность.

Сорок лет... «Немного», — скажет ложливый человек. Тот, кто на заре своей весны искал смысла жизни, теперь, когда настала его осень, полагает о том, как в последний свой день он пожалеет, что не смог увидеть движение вперед, которое жизнь, люди, социализм совершат уже без него.

И этой любовью к жизни он обязан, в конечном счете, также Советскому Союзу.

ПАРНИК

Трагедия обманутых

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ назад в Нисловодске медсестра санатория имени Орджоникидзе, молодая женщина, еврейка, рассказала мне страшную историю. Когда гитлеровцы вошли в район Минеральных Вод, они, как и всюду, организовали еврейское массовое истребление евреев. И она сама, в те дни только что ставшая матерью, стояла с ребенком на руках в толпе несчастных, обезумевших от ужаса людей перед строем фашистских палачей. Массовый расстрел состоялся. Но какому чуду она и ребенок остались живы. Раненная в предплечье, она потеряла сознание и очнулась лишь ночью, в глубоком рву, среди груды мертвых тел...

Л. ШЕИНИН

ства» могут кричать только еврейские реакционные мешане, желающие повернуть назад колесо истории... Против ассимиляторов не надо кричать! Все мирно-историческое, прославляющее лучше люди еврейства, которые давали миру переходы вождя демократии и социализма».

Когда десять лет тому назад в ООН обсуждался палестинский вопрос, то Советский Союз отстаивал право населения Палестины на независимое государственное существование. В мае 1948 года на части палестинской территории был создан Израиль. В этом новом государстве пришли к власти еврейские буржуазные националисты — сионисты. Они и определили внешнею и внутреннюю политику нового государства, превратив его в орудие англо-американского империализма. Начались войны с арабскими государствами, в стране были установлены капиталистические порядки, только что созданный Израиль начал поспешно создавать свою армию и полицию, поглотившие львиную долю государственного бюджета.

Американский империализм все более усиливал свою активность в Израиле, превращая его, по существу, в свою колонию и военно-стратегическую базу на Ближнем Востоке. Подвывая прогрессивные и демократические силы внутри страны, се правители встали на путь разжигания национальной розни, угнетения еврейских трудящихся и лишения всех прав арабского населения.

Рабочий класс и компартия Израиля оказывают все возрастающее сопротивление этой антинародной политике. Трудящиеся евреи, обманутые сионистами, начинают все больше понимать, что сионисты — агента буржуазии и империализма.

Так обстоит дело в государстве Израиль. Его правители продолжают свою проамериканскую по-

литку. Они продолжают также широко кампанию пропаганды за иммиграцию в Израиль всех евреев, будто бы составляющих «единую еврейскую нацию».

В первые годы после войны многие евреи разных стран поддались этому обману, тем более, что сионисты обещали им золотую жизнь. С мая 1948 по июнь 1951 года в Израиль приехали 650 тысяч евреев из разных стран.

В основном, это были люди из разоренных гитлеровскими странами Европы, узники фашистских концлагерей, освобожденные Советской Армией, которых фашисты палачи еще не успели уничтожить, нанеся, люди, потерявшие своих близких, домашний очаг, и т. д.

Трагедия этих людей состояла в том, что они поверили обещаниям сионистов, поверили в то, что их в Израиле ждет «родной дом» или «земля обетованная», как утверждали сионисты.

Увы, эта «земля обетованная» встретила их далеко не так, как было обещано. Письма, приходящие во все страны Европы от этих несчастных людей, красноречиво вскрывают трагическую картину положения, в которое они попали. Безработица, голод, отсутствие крова, направление на тяжелые, низко оплачиваемые или оплачиваемые только убогой полковой работы, беспощадная эксплуатация и произвол — вот о чем рассказывают эти письма.

Приведем несколько выдержек из писем, полученных в Западной Украине. Приблизителе. Мое от людей, в свое время уехавших отсюда в Израиль. Родственники и друзья авторов этих писем познакомили с ними редакцию «Литературной газеты».

По понятным причинам, мы не станем полностью называть имена и фамилии этих несчастных людей, чтобы не навлекать на них террор израильских властей.

Гражданин Г. пишет своим родным в поселок Комсомольск Куйбышевской области: «Валерик, если есть правда в мире, то она в Советском Союзе. Тут ее не найдешь, тут страна, где все за деньги, где власть де-

Заговор против Сирии — заговор против мира НА ТУРЕЦКОМ ПЛАЦДАРМЕ ПЕНТАГОНА

КОРРЕСПОНДЕНТ агентства Юнайтед Пресс Рассел Джимс, посетивший на днях турецко-сирийскую границу в районе Искендерона, сообщает: «Окружающая сельская местность пестрит военными сооружениями... Дороги заполнены новенькими грузовиками американского производства... Этот район хорошо вооружен на случай возникновения «каких-либо непредвиденных обстоятельств... Американские солдаты находятся в Мардине, Нисибине и Газии-Ангеле, вдоль сирийской границы».

Турецкий плацдарм давно облюбован Пентагоном для совершения военных провокаций против соседних с Турцией стран. Совсем недавно крупные военные маневры вооруженных сил НАТО были проведены в районе побережья в Саросском заливе. Штурмовые лодки и вертолеты выдвинулись к линии импровизированной атомной бомбардировки 8 тысяч сол-

Новаторство, рожденное революцией

(Омоничие. Начало на 3-й стр.) больших немецких писателей современности — о Леонарде Франке, семидесятилетнем в ПНР. Между тем именно потому, что Франк всю свою жизнь писал о родном Вюрцбурге, о судьбах немецкой молодежи и о самом себе, в отношении этого писателя — «однолюбое» по своей тематике — с особенной наглядностью сказывается изменение, происшедшее и в жизни, и в искусстве за годы, отделяющие начало первой мировой войны от конца второй.

Если сопоставить романы Франка «Разбойники» (1914) и «Ученики Иисуса» (1947), то происшедшие перемены выступят рельефно. Тихий и душевный, филлистерский и «музейный» Вюрцбург, своего рода немецкий Окуров, тревожный лишь слепыми для прозаика юных «фантазеров-разбойников», не только был вынужден после налета американской авиации вести подвальное существование, но очунулся в такое бурное развитие, в такой сложный перелом политических и идейных связей, какие лет за 30 до того и не снились обитателям его града.

Мальчик, еще только вступающий в отрочество, но уже вдохновенный идеей социальной справедливости, наивно пытающийся собственными силами претворить ее в жизнь и в конце концов неизбежно приходящий к идеям социализма; бывшие нацисты, уже собирающие — в то время еще подпольно — свои силы; матерые спекулянты, чувствующие себя весьма при-

лично при американской администрации; честные демократы, ненавидящие и презирующие фашизм, — все эти и многие другие люди выступают на страницах романа Франка в сложные, острые, противоборствующие, политически все более обнаживающие отношения. А как обогатились художественные краски и средства писателя, насколько строже и пластичнее стал его стиль! Трудно назвать другое современное произведение, в котором целомудренное — хочется сказать «гайдаровское» — изображение чистоты детского восприятия так драматически и контрастно сочеталось бы со столь трагическим окрашенным беспощадным анализом психологии женщины, сломленной чудовищным надругательством со стороны фашистов, но находящей путь к новой жизни через мщение одному из этих выродков.

Творчество Франка является доказательством того, какое большое влияние на современного художника, даже с рабочим движением не связанного, способны оказать стремление понять всемирно-историческую роль русской революции, глубокое сочувствие Советской стране, социалистические идеи.

Международный литературный опыт все еще мало привлекает нас для понимания развития социалистического реализма и его новаторства. Часто проходит мимо закономерности и переключаются на обнаруживающих, при всем национальном своеобразии каждой литературы, черты новаторства, сближающие представителей социалистического реализма

нег... Люди здоровые, не то что инвалиды или больные, не получают работы... Если можешь нас выгнать из этого Израйля, пролим сделать, что можешь... Уже через два месяца после приезда сюда мы поняли всю страшную правду. Тут и молодежь, и дети гибнут. С 10 лет они работают 9 часов ежедневно, а за сколько? — за 30 процентов заработка рабочего... За учебу надо платить. В общем человек тут считается нулем, и то маленьким...

«...Родная моя, — пишет Ц. своей подруге Ж. А. Буаьер, проживающей в Москве, — никто и ничто не заменит человеку родину. Сегодня я решила написать тебе всю правду, у меня нет больше сил терпеть. Мы здесь уже 5 месяцев, но квартиры так и не получили, живем во временном бараке, в котором нет даже света. С работой в Израиле чрезвычайно тяжело. Абраха, имея диплом инженера, за все время работал только один месяц. Эксплуатация колоссальная: ему заплатили фактически половину заработной платы под предлогом, что он не знает языка... С питанием тоже не так хорошо. Я еще ни разу не ела масла. Детям доставала, но за большие деньги, да и это не всегда возможно. Мясо тоже отсутствует. Мы живем с того, что продаем вещи. Всюду омерзительное ханжество и унижение человека. Иногда кажется, что все это страшный сон... Только теперь я поняла, что такое настоящая дружба, что значит иметь друзей, которые не оценивают тебя деньгами. Такие друзья, друзья в полном смысле этого слова, могут быть только у нас в Союзе. Здесь же мне страшно сблизиться с людьми...»

Гражданка Т. из Тель-Авива пишет матери во Львов: «Я не могу здесь быть, если я останусь здесь, я могу умереть. Мы хотим ехать обратно. Абрам работает так, что почернел, как голубешка...»

Гражданка Ш. пишет своим друзьям в Вильнюс: «Если бы была возможность вернуться — люди целовали бы землю и камни. Боря приходит каждый день расстроенным. К нему относятся не так, как отно-

письме он с ужасом вспоминает эти годы. Он пишет: «Никакого «братства» евреев в Израиле не существует и существовать не может, не только потому, что в Израиле есть еврей-эксплуататоры и еврей-эксплуатируемые. Там, помимо этого, есть еще одно — «стариким» и «олим хадашим» («старые» и «новые»), причем антагонизм между ними настолько глубок, что это вынуждает правительственное руководство политическую партию часто выступать с призывом к «старым» теплее относиться к «новым». Но не меньше антагонизм среди «новых». Еврей, приехавший из Польши, презирает еврея, приехавшего из Румынии; еврей из Румынии презирает еврея, приехавшего из Венгрии, и т. д. Американские евреи в Израиле приежуют только как туристы. Больше всего ненавидят друг друга и враждуют «френки» (потомки испанских евреев) и «ашкенази» (евреи — выходцы из Центральной Европы). При этом положении о каком «братстве» может идти речь?»

Такова правда о «земле обетованной», которую сулили иммигрантам буржуазные националисты всех мастей и оттенков.

Секретариат правления Союза писателей СССР и правление правления Московского отделения Союза писателей с глубочайшим сожалением извещают о смерти известного русского писателя КОНОНОВА Александра Терентьевича, последовавшей 28 октября сего года. Он выразил свое соболезнование семье покойного. Гроб с телом покойного установлен в конференц-зале правления Союза писателей СССР. Для прощания с покойным доступ и гроб будет открыт 30 октября с 11 до 13 часов. Гражданская панихида в 13 часов. Похороны на Новодевичьем кладбище в 14 часов 30 минут.